

Кудрявцев О.Ф.

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ПРАВСТВЕННОГО УЧЕНИЯ
МАРСИЛИЯ ФИЧИНО: ДОБРОДЕТЕЛЬ ВЕЛИКОЛЕПИЯ

**(статья опубликована в изд.: Человек в культуре античности,
средних веков и Возрождения. Иваново, 2006. С. 123-128)**

Вопросы морали – одни из главных и часто обсуждаемых в философском наследии Фичино. В них он стремился быть продолжателем давней традиции. Поэтому излагая учение о нравах, толкуя о добродетелях и пороках, он совсем не претендовал на самостоятельность. Тем не менее, отдельные стороны его этических воззрений обращают на себя внимание, если не своей оригинальностью, то уж по крайней мере весьма точным выражением нравственных устремлений его времени или представляемого им направления гуманистической мысли.

Среди моральных добродетелей была одна, которую Фичино выделял и особенно превозносил: великолепие (*magnificentia*). В молодые годы ей он посвятил небольшое сочинение, адресованное Антонио Каниджани¹ (датировано 1 июня 1457 г.); самим гуманистом не включенное в собрание его эпистол, оно было опубликовано лишь в XX в. П.О.Кристеллером. Перебирая все моральные добродетели, “самой важной” Фичино называл великолепие, проявляющееся “в

¹ Антонио Каниджани – представитель семьи, входившей в правящую Флоренцией олигархию, друг Фичино и участник его кружка; ему Фичино адресовал и другие свои ранние работы – “О четырех философских школах”, “О наслаждении”. См.: *Dizionario biografico degli italiani*. 1975. Vol. 18. P. 81-82; *Kristeller P.O. Introductio // Supplementum Ficinianum / Ed. P.O. Kristeller. Florentiae, 1937 (Vol. I-II; далее изд. цитируется как SF). Vol. I. P. CXXXIX.*

широчайших общественных расходах” (*circa publicos sumptus amplissimosque*)², ибо, радея “не только о частном, но и – намного больше – об общественном благополучии”, оно лучше других “сохраняет общность человеческого рода”³; из всех добродетелей

² В трактовке добродетели великолепия Фичино отталкивался от Аристотеля, хотя о буквальном следовании античному философу речь идти не может. Ср.: *Аристотель. Никомахова этика*. 1122a18-1123a19 (Соч. М., 1983. Т. 4. С. 127-129). До Фичино об этой добродетели писал гуманист Франческо Филельфо, однако посвященный ей пассаж в его “Миланских застольях” (“*Convivia Mediolanensia*”, созданы в 1443 г., изд. – 1537 г.) является прямым переводом соответствующего отрывка “Никомаховой этики” Аристотеля. См. об этом: *Jenkins Fr. Cosimo de’ Medici’s patronage of architecture and the theory of magnificence // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1970. Vol. 33 (P. 162-170). P. 166-167.

³ “*Preterea si virtutum proprium est societatem humani generis conservare, erit profecto potissima omnium magnificentia, que non modo privatam, verum etiam et multo magis publicam salutem exoptat*” (*Ficinus M. De virtutibus moralibus // SF. Vol. II. P. 4*). Под названием “О великолепии” (*De magnificentia*) это сочинение упомянул Фичино в первом перечне своих трудов, помещенном в письме к Анджело Полициано в первой книге “Эпистол” (См.: *Ficinus M. Opera omnia. Basileae, 1576. P. 619. 3*).

Это письмо в моем переводе на русский язык публиковалось дважды: *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)*. Составитель Л. М. Брагина. М., 1985. С. 211-215; *Купец. Гуманист. Придворный. Нравственные идеалы эпохи Возрождения*. Составитель О. Ф. Кудрявцев // *Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы*. М., 1996. С. 437-441.

лишь его считает гуманист “соответствующим божественной природе” и уподобляющим людей Богу⁴; именно оно, по его словам, доставляет высшие почести, а также бессмертие имени и славу⁵. Речь идет, конечно, о земном бессмертии в веках, в памяти сменяющихся друг друга поколений, а вот высшие почести подразумевают в качестве результата и награды за эту добродетель особое положение уже в настоящем. Итак, человек, обнаруживающий великолепие, должен выделяться, первенствовать в обществе – ему полагаются “высшие почести”.

В Фичиновой эпистоле Антонио Каниджани отчетливо заявили о себе новые нравственные ориентиры, складывающиеся в условиях укрепления во Флоренции власти Медичи: вразрез с традицией гражданского гуманизма, представители которого еще во времена Фичино продолжали в публичных речах превозносить справедливость (*лат.* – *iustitia*; *итал.* – *giustizia*) как базисную добродетель, особенно необходимую для любого человеческого общежития⁶, этот гуманист в

⁴ *Ficinus M. De virtutibus moralibus. P. 5.*

⁵ “hec ex omnibus humanis rebus amplissimos honores atque immortalem laudem et gloriam consequitur” (*Ibid. P. 4*). Ср. сходную мысль, высказанную Леоном Баттиста Альберти еще в 30-е гг.: “Puossi colle ricchezze conseguire fama e autorità adoperandole in cose amplissime e nobilissime con molta larghezza e magnificenza” (*Alberti L.B. Della familia // Opere volgari. A cura di C. Grayson. Bari, 1960. Vol. 1. P. 141*).

⁶ Публикации этих речей см.: *Una prosa inedita di Matteo Palmieri. Prato, 1850*; *Santini E. La protestatio di iustitia nella Firenze Medicea del secolo XV // Rinascimento. 1959. Vol. X. N 1. P. 36-106*. Мой перевод речей Джаноццо Манетти, Маттео Пальмиери и Донато Аччайуоли см.: *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. С. 138-151*. Их анализ см.: *Santini E. Firenze e i suoi “oratori” nel Quattrocento*.

персональном послании, построенном тем не менее в строгом соответствии с правилами ораторского искусства⁷, выдвигал на первый план добродетель великолепия, предполагавшую большие траты на общественные нужды и благодаря этому социально значимую роль ее носителя. Как представитель нового поколения гуманистов, связанного с Медичи или на них ориентированного, молодой Фичино (ему было полных 23 года), поднимая на щит добродетель великолепия, точно уловил и обозначил ею тот тип социального поведения, который помог Козимо Медичи, остававшемуся всю жизнь частным лицом, стать фактическим главой Флоренции и посмертно удостоиться от сограждан почетного звания “Отец отечества” (*Pater Patriae*)⁸. Обязательной чертой такого поведения было широкое меценатство, поддержка ученых и людей искусства, в чем гуманисты, вроде Фичино, не обеспеченные собственными источниками существования, были весьма заинтересованы. Отражая их настроения, Фичино в послании к Антонио Каниджани в качестве предпочтительного нравственного принципа описывал такой способ достижения социального превосходства, который с успехом применялся ранними Медичи. Вполне вероятно, что отмеченный принцип обсуждался или хотя бы

Milano, 1922; Брагина Л.М. Идеи гражданского гуманизма в речах флорентийских магистратов XV в. // Средние века. М., 1984. Вып. 47. С. 46-71.

⁷ В конце эпистолы к Каниджани сам Фичино называет ее “речью” (*oratio*) и “словом” (*sermo*) (*Ficinus M. De virtutibus moralibus*. P. 5-6).

⁸ Официально присвоено ему публичным постановлением 15 марта 1465 г. См.: *Fubini R. Ficino e i Medici all'avvento di Lorenzo il Magnifico* // *Fubini R. Quattrocento fiorentino: politica, diplomazia, cultura*. Pisa, 1996. P. 275 N 99 (1 изд. статьи – 1984 г.).

затрагивался гуманистом и позже, в 60-е годы, в беседах с покровительствовавшими ему Козимо и Пьеро в присутствии юного Лоренцо, ставшего уже в глазах современников и потомков олицетворением самого этого принципа, за что он и был прозван Великолепным. Во всяком случае, не подлежит сомнению как соответствие нового нравственного идеала, провозглашенного Фичино, образу действий современных ему Медичи, прежде всего в сфере культуры, так и влияние, оказываемое этим гуманистом на духовную жизнь Флоренции 60-90-х годы XV в.

Почти в одно время с Фичино в таком же духе и тоне, что и он, эту добродетель упоминал другой известный флорентийский гуманист Бенедетто Аккольти, называя граждан Венеции и Флоренции “великолепными в общественных делах и бережливыми и скромными – в частных”, “ведь они хотели, чтобы священные обряды и поклонение Господу Богу и Его святым совершались с великой тщательностью, благочестием и великолепием – большими, чем где-либо”⁹.

Применительно к конкретному человеку о великолепии повел речь Фичино в письме к Козимо Медичи (сентябрь 1462 г.), имея в виду “многие милости”, оказанные ему его покровителем: “...я был приведен в изумление не только твоим великолепием (*magnificentiam tuam*), по отношению к нам весьма значительным, но также пророчеством древнего Орфея...”, - и далее он уточнял, что получил от патрона “тома Платона” превеликой ценности и “Академию” (или

⁹ “Qui sacra caeremoniasque summi Dei et Sanctorum eius cum summa cura, religione, magnificentia magis quam alibi coli voluerunt. Qui in rebus publicis magnifici, in privatis parci ac tenues reperti sunt” (*Accolti B. De praestantia virorum sui aevi dialogus. Lugduni Batavorum, 1723. P. 15AB*).

домик) “в селении Кареджи”¹⁰. Сходным образом Фичино реагировал на другой подарок греческих рукописей, сделанный ему тогда же Америго Бенчи – человеком, близким к Медичи: “Сегодня я получил от тебя греческие диалоги нашего Платона, великолепный дар, достойный твоей души и для моей – наимприятнейший... В этом, как и во многих других делах, полагаю, ты хотел походить на великого Козимо, ибо ранее он украсил мою библиотеку Платоном на греческом языке”¹¹. А в следующем 1463 г. Томмазо Бенчи племянник Америго и участник Фичинова кружка в предисловии к выполненному им переводу на итальянский язык “герметического свода” прямо писал о “наивеликолепнейшем Козимо Медичи” (*Magnificentissimo Cosimo de' Medici*)¹². Это же звание Фичино прилагал к Козимо и *post mortem* рассказывая Лоренцо Медичи, коего он ориентировал на подражание

¹⁰ *Ficinus M. Ad Cosmum Medicem* // SF. Vol. II. P. 88 (См. перевод О.Ф. Кудрявцева: *Фичино М. Избранные письма* // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 260).

¹¹ “Accipi hodie tuo nomine Graecos Platonis nostri dialogos, munus certe magnificentum, animo tuo dignum, meo gratissimum... Imitari in hoc sicut in plerisque aliis magnum Cosmum, ut arbitror, voluisti: is enim superioribus diebus bibliothecam meam Graeco ornavit Platone” (*Ficinus M. Imitatio utilior est quam lectio* // *Opera omnia*. P. 609. 1).

¹² См.: SF. Vol. I. P. 99. “Великолепие” Козимо Медичи, подразумевая постройку им роскошного дворца, защищал от злохулителей проповедник Тимотео Маффеи; о его трактате “*In magnificentiae Cosmi Medici detractores libellus*” см.: *Hankins J. Cosimo de' Medici as a patron of Humanistic literature* // *Cosimo il Vecchio de' Medici, 1389-1464*. Ed. F. Ames-Lewis. Oxford, 1991 (P. 69-94). P. 85; *Jenkins Fr. Cosimo de' Medici's patronage of architecture and the theory of magnificence*. P. 165-166.

своему деду, сколь тот был справедлив и великодушен в отношении людей (*erga homines iustum atque magnificum*).¹³

Как видим, великолепие среди прочего и в первую очередь трактовалось как помощь мецената людям культуры, благотворительность и щедрость в отношении их, проявляемая в значительных размерах, и человек, коему она присуща, нарекался великолепным. Так, в адресованном неизвестному другу послесловии ко второму итальянскому изданию трактата “О христианской религии” (1484 г.) Фичино называл Филиппо Валори “великолепным мужем” (*magnifico viro*), ибо, невзирая на расходы и труды, он издал выполненный гуманистом перевод сочинений Платона¹⁴. Об этом же благодеянии Филиппо, его “великолепных тратах”, Фичино вспоминал в предисловии к комментариям на Платона, обращенном к Никколò Валори (1496 г.)¹⁵. У Фичино, по-видимому, имелись также основания говорить в письме к Антонио Пацци (1473 г.) о его щедрости, ибо, по свидетельству Лоренцо Медичи, Антонио проявлял “великолепие в отношении людей ученых” (*erga doctos magnificum*)¹⁶. Наконец, вспоминая в 1475 г. о пире, с королевским размахом организованном Франческо Бандини в ноябре 1468 г. во Флоренции, чтобы по обычаю древних платоников отметить день рождения и смерти Платона,

¹³ *Ficinus M. Imitatio potior quam lectio // Opera omnia. P. 648-649.* Послание следует датировать концом сентября 1474 г. См.: *Gentile S. Introduzione // Ficino M. Lettere I. Epistolarum familiarium liber I. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. P. CCLXIII.*

¹⁴ *Ficinus M. Epistola ad ignotum amicum secundae libri Della religione editioni in fine addita // SF. Vol. I. P. 13.*

¹⁵ *Idem. Prooemium in commentaria in Platonem // Opera omnia. P. 1136.*

¹⁶ *Idem. Exhortatio ad scientiam // Opera omnia. P. 617. 2.*

Фичино отзывался об устройтеле этого действия как о “муже выдающегося ума и великолепия”¹⁷.

Однако чаще о великолепии Фичино говорил применительно к Лоренцо Медичи. В предисловии к выполненной не позднее 1474 г. итальянской версии «Комментария на “Пир” Платона...» Фичино следующим образом характеризовал Лоренцо, настоянию коего, если верить гуманисту, это произведение обязано своим происхождением: «Для пользы латинян я перевел книгу Платона [“Пир”. - О.К.] и, побуждаемый нашим великолепным (*magnifico*) Лоренцо Медичи, прокомментировал наиболее трудные таинства, в ней содержащиеся»¹⁸. В другой раз о присущем Лоренцо великолепии гуманист упомянул в эпистоле, адресованной в январе 1474 г. непосредственно своему покровителю¹⁹. В 1491 г. в письме к Мартину Уранию он извещал о готовящемся весной следующего года выходе в свет своих переводов Плотина, осуществляемом благодаря великолепным издержкам Лоренцо Медичи” (*magnifico Medicis Laurentii sumptu*)²⁰. Столь настойчивое подчеркивание проявлений в Лоренцо Медичи качеств великолепия позволяет заключить о том, что прежде всего усилиями главы флорентийских платоников имя его покровителя прочно срослось с названием этой добродетели, и он стал

¹⁷ *Idem*. *Anime natura et officium. Laus historie* // *Opera omnia*. P. 657. 2.

¹⁸ *Ficino M.* *El libro dell'Amore. Proemio di Marsilio Ficino fiorentino sopra El libro dell'Amore, a Bernardo del Nero e Antonio di Tuccio Manetti. A cura di S. Niccoli. Firenze, 1987. P. 4.* См. в этой связи: *Kristeller P.O.* *Introductio*. P. CXXIII, CXXIV.

¹⁹ *Ficinus M.* *Mirabilium author Deus est, non homo* // *Opera omnia*. P. 622. 1.

²⁰ *Idem*. *Gratiarum actio* // *Opera omnia*. P. 929. 3.

в сознании своего времени и в памяти истории Лоренцо
Великолепным.